И, играя, возопий: Анна мной владеет!
Чем против мя устоять никто не умеет,
Храбро имя всех от стран ею получаю.
Так я, льстя ли, сим ее ныне прославляю,
Прославляя ж, мне нельзя громко не вскричати:
Анна, о изволь вовек мною ты владати! и т. д.

В русских одах 1730-х годов вне зависимости от характера изложения нет стремления создать образ или хотя бы какое-то подобие образа Анны Иоанновны. Ода составляется из перечисления общих черт деятельности императрицы или из характеристики ее конкретных поступков, но никакого стремления эту личность поэтически воссоздать не видно совершенно. Анна для русских поэтов не человек, не индивидуальность, а символ, вернее идея, воплощение и олицетворение идеи абсолютизма, представлявшегося в 1730-е годы русским просветителям единственным орудием национального прогресса. В оде 1730-х годов напрасно было бы искать чего-либо похожего на «портрет», на конкретные черты внешнего облика императрицы, хотя бы идеализированного. Ведь сумел же Растрелли в своей известной статуе Анны Иоанновны слить воедино идею сверхчеловеческого давящего величия власти с обликом стареющей тучной женщины с неумным, упрямым лицом? Ода 1730-х годов не ставила перед собой задачи воспроизвести образ живого царя, она вполне удовлетворялась общей идеей власти, подчиняющей себе личность во имя разума и просвещения. Поэтому нам кажется, что Г. В. Жидков[15] противоречит сам себе, когда указывает, что в скульптурной группе Растрелли, где воплощены «неумолимая правдивость и острая индивидуальная выразительность в изображении исключительно непривлекательного лица Анны», будто бы наблюдается соприкосновение со строфами оды В. К. Тредиаковского (1734), дающими такой образ царицы, который не имеет ничего общего с действительным:

Европейска и азийска
Златовидный солнца луч!
О! монархиня Российска...
Имя чтит твое весь свет;
Славы не вместит вселенна...
Анна, благосчастна есть!
Анна, всеми возносима,
Обща красота и честь.[16]

Приведенные стихи Тредиаковского никакого «образа» Анны не дают, более того, они и вообще не должны были создавать никакого образа. Назначение оды состояло в том, чтобы вызвать определенное эмоциональное состояние, в парадоксальном сочетании

[15] Г. В. Жидков. Русское искусство XVIII века. М., 1950, стр. 35.
[16] Там же. «Оду на взятие Гданска» Г. Жидков цитирует в редакции 1752 года.